

5. *Internationale Ouvrière Socialiste. Matériaux et résolutions du Congrès de Vienne.* P., 1931. P. 560
6. *Thornès D.* Op. cit. P. 183.
7. *Harson J.* Op. cit. P. 301.
8. *Le Populaire de Paris.* 1935, 17 novembre.
9. *Кривогуз И. М.* Указ. соч. С. 183.
10. *Thornès D.* Op. cit, P. 360.

В.В. Малай

Международные конференции конца 1930-х гг. в контексте кризиса Версальской системы (Нион, 1937)

Нионская международная конференция (сентябрь 1937 г.) была призвана продемонстрировать возможность и способность коллективного решения международных проблем кануна Второй мировой войны. Она должна была решить обострившуюся проблему безопасности судоходства Средиземном море: с осени 1936 г. итальянские подводные лодки нападали на иностранные морские суда, направлявшиеся в порты Испанской республики. Быстрая и глубокая интернационализация идущей там гражданской войны (1936–1939) разделила Европу по симпатиям воюющим сторонам на два лагеря и превратила средиземноморскую проблему в один из международных аспектов конфликта.

С лета 1937 г. Б. Муссолини фактически попытался ввести блокаду республиканского берега. Ставка была сделана на приостановку морского подвоза в республиканские порты, чтобы «лишить законное испанское правительство связи с внешним миром»¹. Наибольший размах пиратства «неизвестных подводных лодок» пришелся на август 1937 г. Потопления происходили не только в испанских территориальных водах, но и в таких отдаленных от Испании районах как Эгейское море или пролив Дарданеллы. Тактика итальянских подводных лодок (потопление без предупреждения и без шансов для команд спастись) противоречила действовавшей тогда международной конвенции о ведении

подводной войны. Над Средиземноморьем нависла угроза серьезного международного конфликта.

Пиратство задевало интересы английского и французского судоходства и побуждало Англию и Францию к поиску мер противодействия. Руководство Великобритании было прекрасно осведомлено о государственной принадлежности подводных лодок, преподносимых прессой как «неизвестные», но не торопилось это демонстрировать². Английские дипломаты намекали итальянской стороне на эту осведомленность, подчеркивая нежелание устраивать международный скандал, но «если атаки продолжатся, только вопрос времени, когда комментарии появятся в прессе»³.

Французское правительство, не получив согласия на экстренное заседание Комитета по невмешательству в дела Испании, обратилось к британскому руководству с предложением обсудить ситуацию в Женеве, с участием средиземноморских и черноморских держав⁴. После ряда дискуссий и консультаций стороны достигли договоренности провести международную конференцию по проблемам безопасности Средиземноморья в пригороде Женевы — Нионе.

Степень заинтересованности двух стран в созыве конференции была неравноценной: для Франции восстановление статус-кво на Средиземном море в сложившейся международной ситуации было едва ли ни основополагающей целью, своеобразной гарантией некоторой стабильности на континенте; для Великобритании договоренность по Средиземноморью имела промежуточное значение в поиске долгосрочного соглашения с Италией. При этом и Франция, и Британия преследовали схожие цели: от итогового документа конференции требовались немедленные и серьезные гарантии безопасности судоходства и введение их в действие.

Необходимость получения политических дивидендов в виде расположения итальянской стороны диктовала британской дипломатии замену на конференции дискуссий политического характера постановкой вопросов чисто технического плана. Логика принятия действенных мер против пиратства требовала установления виновных, а это противоречило планам британских политических кругов.

В целях предотвращения столкновения итальянской и советской позиций английские дипломатические круги попытались не допустить

СССР к участию в работе конференции. Аргументация строилась на том, что Советский Союз не является средиземноморской страной⁵. Этот вопрос стал предметом временных, но острых разногласий между официальными Лондоном и Парижем.

4 сентября по этому вопросу состоялись телефонные переговоры между министрами иностранных дел Франции и Великобритании И. Дельбосом и А. Иденом, продлившиеся целый день. Дельбос добивался согласия англичан на участие СССР, соглашаясь взамен на приглашение Италии. Лишь угроза отставки Дельбоса и, как следствие, внутривластный кризис во Франции, ответственность за который французская сторона пригрозила возложить на английское правительство, подействовала на Идена: было решено включить в состав участников Советский Союз наряду с другими черноморскими странами и Италию⁶.

Неуступчивость Франции побудила Англию прибегнуть к новому маневру: Иден настоял на приглашении Германии в качестве противовеса Советскому Союзу. В конечном итоге этот компромисс устроил обе стороны.

Объяснение французской позиции в данном споре только приверженностью Франции франко-советскому договору представляется упрощенным, если учесть, что после июньского (1937 г.) кризиса французского Кабинета в нем произошел ряд замен (уход Блюма и формирование Шотаном нового правительства), означавших «поправление» Кабинета. Политику отставания Францией собственного мнения на проблему безопасности судоходства в Средиземноморье следует рассматривать, скорее, в контексте сложившихся к осени 1937 г. международных отношений. Успехи Франко и перспектива его победы прямо угрожали интересам Франции, как в Средиземноморском бассейне, так и в Европе в целом. Дельбос был одним из тех французских политиков, кто адекватно оценивал ситуацию.

Бездействие Великобритании в ответ на участвовавшие случаи пиратства и ее чрезмерная активность в вопросе итальянского, а потом и немецкого присутствия на Нионской конференции позволяли сделать предположение о потенциальной возможности соглашения или даже союза Великобритании с Италией и Германией. Настойчивость Франции в вопросе приглашения СССР на конференцию было одной

из робких попыток противодействия этому сотрудничеству, равно как и укреплению позиций Италии на Пиренейском полуострове и в Средиземном море. Французские политики осознавали, чем может обернуться одновременное присутствие СССР и Италии на предстоящей конференции. Даже возможность срыва конференции представлялась более предпочтительной, чем доминирование на ней согласованной англо-итальянской политики.

О какой коллективной безопасности можно вести речь при такой коллизии?

Серьезные коррективы в планы участников конференции внес дипломатический скандал, вызванный советскими нотами протеста итальянскому правительству от 6 сентября 1937 г. В первой, направленной на имя министра иностранных дел Чиано, вся полнота ответственности за пиратство возлагалась на итальянскую сторону. Посольство СССР от имени советского правительства настаивало на решительном пресечении агрессивных акций, полном возмещении ущерба, понесенного Советским Союзом и наказании виновных лиц. Отрицание фактов агрессивных действий итальянских военных судов в ответной ноте Чиано в тот же день повлекло за собой следующую советскую ноту. Если инструкция передать первую ноту была послана в Рим заместителем наркоминдел В. Потемкиным до получения официального приглашения на Нионскую конференцию, то вторая нота, как показывает анализ, была предъявлена уже после того. Реакцию итальянской стороны (исходя, например, из тактики итальянского представителя в комитете по невмешательству в дела Испании), «прекрасно предвидели в Москве», осознавая, что требуемых мер итальянская сторона не предпримет⁷.

Логичным и целесообразным стало бы выступление с подобным заявлением уже в рамках конференции. Скандал сыграл негативную роль, отталкивая от советской стороны потенциальных союзников (Францию) и спровоцировав новую волну антисоветской кампании (Великобритания и, конечно Италия и Германия)⁸.

Англия, ища сближения с итальянским фашистским режимом, стремилась иметь преимущества на предстоящих переговорах с ним. Поэтому официальный Лондон разделил итальянскую оценку советских нот как «попытку торпедировать конференцию»⁹. Когда Чиано

в конфиденциальной беседе 7 сентября с английским послом в Риме Ингрэмом дал понять, что «русская нота делает присутствие Италии на предстоящей конференции невозможным», английские политики проявили беспокойство. 7 сентября Иден и Ингрэм обменялись восемью (!) телеграммами, посвященными готовящейся конференции. Ингрэм с тревогой сообщал, что итальянское правительство «отказывается сидеть за одним столом с СССР»¹⁰.

Советские ноты дали Италии удобный формальный повод не присутствовать на конференции, грозящей обернуться для нее международным скандалом: она не могла быть уверенной, что СССР не повторит там своих обвинений. 9 сентября 1937 г. Италия прислала официальный отрицательный ответ на приглашение на конференцию. Аналогичный шаг предприняла Германия¹¹.

Через своих дипломатов британский МИД дал заверения в Риме и Берлине, что переговоры на конференции будут касаться исключительно технических вопросов, последние события не будут приняты во внимание, а «Италия не будет поставлена в позу обвиняемого»¹².

Конференция прошла в Нионе 10–14 сентября. В ней приняли участие делегации Великобритании, Франции, Югославии, Греции, Турции, Египта, Румынии, Болгарии и СССР.

Перед открытием конференции английская дипломатия попыталась (в том числе и через турецкого и французского представителей) оказать давление на советского наркома иностранных дел М. Литвинова, убеждая его отказаться от выступления, мотивируя это необходимостью скорее закончить работу¹³. Фактически страну, без консультаций с которой была созвана конференция и разработан проект соглашения, пытались не допустить к обсуждению существа вопроса.

Не останавливаясь подробно на дискуссиях в ходе конференции, отметим, что согласно принятому 14 сентября 1937 г. Нионскому соглашению, английскому и французскому флотам поручалось поддерживать безопасность судоходства в Средиземном море, «другие государства окажут им в этом содействии». Всякая подводная лодка, атакующая торговое судно с нарушением правил гуманизации подводной войны (установленных Лондонским морским договором 1930 г. и Лондонским протоколом от 6 ноября 1936 г.) должна была «подвергаться контратаке и, по возможности, уничтожению»¹⁴. Днем раньше,

13 сентября, было заключено соглашение между французским и английским военно-морскими штабами о разделении акватории Средиземного моря (за исключением Тирренского моря) на пять зон, обстановку в трех из которых должен был контролировать английский флот, в двух — французский¹⁵.

В актив советской делегации в Нионе можно отнести отказ конференции признать права воюющей стороны за испанскими мятежниками и расстройство первоначального англо-французского проекта соглашения. Настойчивость М. Литвинова не позволила допустить политической изоляции СССР в ходе и по итогам конференции.

17 сентября 1937 г. в Женеве было подписано дополнительное соглашение между участниками Нионской конференции о коллективных мерах защиты судоходства в Средиземном море против пиратских актов, совершаемых надводными судами или авиацией¹⁶.

Вместо ожидаемого ослабления международной обстановки Нионское соглашение вынудило европейских политиков активизировать поиски двусторонних договоренностей. Решения, принятые в Нионе, не стали (и не могли стать) основой сближения стран, желавших остановить войну. Они, скорее, больше подходят под определение «умиротворения»: никто из участников конференции по своим причинам не захотел открыто ссориться с Италией.

В ходе конференции английские дипломаты, следуя разработанной ранее тактике, направляли в Рим и Берлин копии текста проекта договора.

Италия хорошо осознавала цену Нионского соглашения. Отсюда — парадоксальное на первый взгляд удовлетворение решениями конференции, на которой Италия не была представлена, высказанное фашистской прессой.

Созыв Нионской конференции был спровоцирован событиями в Испании. Но, оперируя понятиями европейской безопасности, участники конференции фактически отодвинули испанскую проблематику на задний план. Понимая, что гражданская война в Испании гораздо больше угрожает общей безопасности Европы, они при этом не выдвигали задачу коллективной остановки или хотя бы смягчения ее хода (комитету по невмешательству по известным причинам этого тоже не удалось), сосредоточившись исключительно на проблеме пиратства.

Неспособность прийти к единому коллективному решению по испанскому вопросу уже осенью 1937 г. свидетельствовала: республиканская Испания при той степени иностранного вмешательства в ее дела обречена: слишком уж неоднозначным было понимание «замирения Испании».

Представляются преувеличенными итоги конференции в плане «почти полного прекращения морского пиратства на Средиземном море»¹⁷. Уже 3 октября 1937 г. британский эсминец «Базилик» был атакован у восточного побережья Испании. С началом 1938 г. пиратство возобновилось, пусть и не в прежних размерах: 31 января 1938 г. английский корабль «Эндмон» был потоплен «неизвестной» подлодкой, четыремя днями позже такая же участь постигла судно «Алсира». В течение 1938 г. неоднократные нападения подводных лодок преследовали британские суда. В июне 1938 г. Черчилль даже поднял этот вопрос в Палате общин парламента¹⁸.

Все это свидетельствовало о временном характере и относительной эффективности Нионской конференции. Найденное на конференции решение с трудом можно назвать по-настоящему компромиссным уже потому, что оно по сути являлось компромиссом между пострадавшими (!) от пиратства при отсутствии виновника.

Советская дипломатия, как и французская, утверждала, что Нионское соглашение «является частично осуществлением идеи коллективной безопасности»¹⁹. Отдавая дань дипломатическому протоколу и этикету, подчеркнем, что эта оценка (позже появившаяся в ряде отечественных научных исследований) была, безусловно, преувеличенной, и выдавала желаемое за действительное. В тогдашней обстановке возрастания агрессии, международного беззакония и внешнеполитического авантюризма любая мало-мальски удачная попытка совместного противостояния им подпадала под это определение. Насколько оно было коллективным? Анализ подготовки и хода самой конференции заставляет в этом усомниться.

Примечания

1. Архив внешней политики РФ (Далее: АВП РФ). Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 188.
2. Documents on British Foreign Policy (DBFP). 2nd ser. Vol. 19. P. 187. Note 3.

3. DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. P.186–189.
4. DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. Doc. 103. P. 190; Doc. 110. Pp. 203–205; Doc. 114. P. 211–213.
5. Ibid. Doc. 110. Pp. 203–205; Doc. 114. P. 211–218. Doc. 116. P. 228.
6. DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. Doc. 120. P. 232–233, Doc. 146. P. 263–264; Doc. 135. P. 245; DDF. 2-e sér. Vol. 6. Doc. 391, 395. P. 686–693.
7. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 197. Письмо В.П. Потемкину временного поверенного в делах СССР в Италии 25 сентября 1937.
8. Там же. Ф. 082. Оп. 20. Д. 4. П. 86. Л. 137.
9. DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. Doc. 130. А. Иден — Ингрэму (Рим), 7 сентября 1937, P. 241, Doc. 136, P. 247; Doc. 126, P. 237–238.
10. Ibid. P. 246–247.
11. Documents on German Foreign Policy (DGFP). Ser. D. Vol. 3. Doc. 417. P. 442.
12. Ibid. Doc. 414. P. 440; *Dzelepy E.K.* Britain in Spain. A Study of the National Government's Spanish Policy. L., 1949. P. 147.
13. ДВП СССР. Т. 20. С. 312. Прим. 189. С. 750–751.
14. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4459. Оп. 12. Д. 1. Л. 9–11; АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 5. Л. 2–5.
15. DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. Doc. 169. P. 299–301.
16. ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д.1. Л. 220; DBFP. 2-nd ser. Vol. 19. P. 289. 10 сентября Литвинов выступил с предложением сразу после окончания конференции в том же составе, но уже в Женеве, обсудить вопрос о борьбе с нападением надводных судов на коммерческие суда: «Дельбос согласился, но Иден морщился». ДВП СССР. Т. 19. Прим. 189. С. 751.
17. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. М., 1987. С.62; *Кузьмин В.А., Михайленко В.И.* Англо-итальянские противоречия в Восточном Средиземноморье накануне второй мировой войны/ Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С.81.
18. Economist. 1937. N 4911. 9 Oct. P. 61; Inprecorr. 1939. Vol. 19. N 31. P. 725; *Dzelepy E.K.* Op. cit. P. 196, 207, 210; *Churchill W.* His Complete Speeches. Vol. 6. P. 5680; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 48. Л. 9.
19. ДВП СССР. Т. 20. С. 504; АВП РФ. Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 3. Л. 41. Из речи Дельбоса на закрытии Нионской конференции (2-е пленарное заседание).